

Теперь он невольно перенёс эту привычку и на кухонную столешницу. Будучи полным новичком, который лишь перед самым отъездом наспех выучил у тётушки Сяо Сюй парочку приёмов, он тем не менее начал одержимо стремиться к тому, чтобы нарезать все огурцы толщиной ровно в четыре миллиметра, нашинковать капусту на идеально ровные полоски, нарезать тофу ровными кубиками, словно кубики Рубика...

Ай, порезал палец.

Янь Жунцю недовольно отложил нож и поспешно подставил руку под струю воды из крана.

Нож, предоставленный съёмочной группой, был японским керамическим, лезвие невероятно острое. Янь Жунцю всего на мгновение отвлёкся, и на указательном пальце уже зияла глубокая пореза, из которой мгновенно выступили капельки крови, заструившиеся вниз по суставу.

Промыв некоторое время, Янь Жунцю поднял палец, чтобы взглянуть, — и кровь тут же снова сочилась из тёмно-красной раны.

Какая досада, — мелькнуло у него в голове.

Янь Жунцю происходил из богатой семьи, к тому же был единственным наследником клана Янь, однако его не растили изнеженным и балованным аристократом. С самого детства он не получал особой любви и обожания. Ребёнок, лишённый любви, не умеет капризничать — не умеет капризничать, зато умеет невероятно терпеть. Мог стерпеть слёзы, стерпеть одиночество и, конечно, стерпеть боль.

Он просто считал это досадным.

Повернувшись, Янь Жунцю обратился к сотрудникам:

— Скажите, пожалуйста, есть ли пластырь...

Чёрная тень мелькнула и стремительно схватила его за запястье.

Это был Хэ Чжу.

Кожа, только что промытая водой, была ещё прохладной, поэтому тёплая ладонь Хэ Чжу, обхватившая его, ощущалась особенно горячей.

— Пойдёмте со мной, — он понизил голос, и его бархатистый тембр заставил барабанные перепонки Янь Жунцю слегка заныть.

Часть его тела находилась в чужом прикосновении, отчего Янь Жунцю невольно выпрямил спину, выражение лица тоже стало скованным. К счастью, Хэ Чжу, отведя его в соседнюю комнату отдыха, быстро отпустил руку.

Янь Жунцю опустил глаза. Его белоснежное запястье покрылось лёгким розоватым оттенком, и теплота всё ещё не рассеивалась.

Прикосновение Хэ Чжу было очень лёгким и мягким, но он сам был уж слишком горячим.

— Подождите секунду, — Хэ Чжу открыл аптечку и стал быстро искать лекарства.

Янь Жунцю медленно положил травмированную руку на стол.

— Достаточно одного пластыря.

Хэ Чжу не проронил ни слова, открутил флакон с йодом, смочил им ватную палочку и протянул руку к Янь Жунцю.

— Дайте руку.

Янь Жунцю потянулся за ватной палочкой.

— Я сам.

Хэ Чжу слегка разжал пальцы и легко поймал руку, пытавшуюся улизнуть.

Белая, гладкая, прохладная, словно испуганный голубь, покорно замершая в его ладони, или же словно ароматная, ещё не раскрывшаяся магнолия в полночный час. Слегка подогнутые кончики пальцев отливали розоватым цветом, излучая захватывающую дух красоту.

Хэ Чжу не посмел пошевелиться, боясь спугнуть голубя, раздавить магнолию. Он почти что бережно держал эту руку, придвинулся чуть ближе, чтобы внимательнее рассмотреть рану.

Ватная палочка мягко коснулась кожи, йод окрасил нежно-красную рану в фиолетово-чёрный цвет, в воздухе распространился густой лекарственный запах.

— Ссс... — Янь Жунцю резко втянул воздух, словно лишь в этот момент оборванные болевые ощущения вдруг соединились, и плоть начала пульсирующе ныть.

— Готово, — Хэ Чжу отложил ватную палочку, но руку не отпустил, по-прежнему держа её в своей ладони.

Тепло тонкими струйками проникало в кожу тыльной стороны руки Янь Жунцю, температура постоянно повышалась, создавая почти что ощущение, будто они — две свечи, сливающиеся воедино.

Самым горячим был всё же кончик травмированного пальца, словно всё тепло стекалось именно туда. Жарко, больно, пульсирующе стучит, дергая за нервы Янь Жунцю, отчего уши у него тоже покраснели и разгорячились.

Хэ Чжу наклонил голову и принялся мягко дуть на кончик указательного пальца Янь Жунцю.

Прохладные струйки воздуха падали вниз, сталкиваясь и смешиваясь с исходящим жаром, почти что готовые поднять маленькую бурю на той хрупкой и нежной коже.

Янь Жунцю в замешательстве поднял взгляд и увидел густые, иссиня-чёрные волосы Хэ Чжу — от природы густые и красивые, но на них было нанесено изрядное количество геля, почти что грубо зачёсанные назад, открывая чистый лоб и уши. Посередине лба вниз выступал тёмный, маслянистый острый уголок. Он знал, что это называется пик красавицы, говорят, есть только у людей с исключительной, ослепительной внешностью. У него такого не было, а у Сяосиня — был.

Опустив взгляд чуть ниже, Янь Жунцю покраснел не только ушами — его фарфоровые щёки покрылись румянцем, почти что дотянувшись до задней части шеи.

Потому что голова Хэ Чжу склонилась слишком низко, а губы оказались слишком близко. Высокая переносица скрывала расстояние от кончика пальца до губ, и с угла зрения Янь

Жунцю казалось, будто Хэ Чжу, держа его руку, снова и снова, с неохотой отпуская, целует его пальцы, и даже словно совершает нечто более двусмысленное, более интимное.

Все нервы Янь Жунцю напряглись, напряглись до предела, начали постепенно неметь, все чувства стёрлись, остался лишь тот самый кончик пальца со свежей раной, вобравший в себя всё осязание, яркое и сильное, даже способное уловить мельчайшие колебания дыхания собеседника — лёгкое, едва уловимое щекотание, рассыпающееся по коже, коварно проникающее вглубь тканей, превращаясь в невыносимое, сведённое оцепенение.

Янь Жунцю оказался в растерянности, и с каждой секундой она лишь нарастала. Он изо всех сил пытался размышлять, анализировать: неужели ассистенту действительно нужно заботиться о работодателе до такой степени? А работодатель — должен ли он позволять ассистенту делать подобные вещи?

Но Хэ Чжу неустанно отвлекал его внимание, не давая сосредоточиться и найти точный ответ.

Наконец Хэ Чжу остановился. В тот миг Янь Жунцю почувствовал облегчение, даже возникла искорка благодарности — он наконец-то прекратил это долгое истязание.

Словно восстанавливая некий исключительно ценный предмет искусства, Хэ Чжу с величайшей осторожностью заклеил рану пластырем, ещё раз взглянул, убедился в совершенстве результата и лишь затем медленно отпустил руку.

— Готово, господин Янь, — произнёс он спокойно, тон ровный, как всегда.

Янь Жунцю кивнул. С лица его сошёл румянец, но оно по-прежнему оставалось бледным, почти прозрачным.

Он убрал руку с пластырем, пошевелил пальцами — неплохо, лишь едва уловимая боль. По привычке положив эту руку поверх другой, Янь Жунцю вдруг слегка вздрогнул.

Хэ Чжу заметил это.

— Господин Янь, что с вами?

Янь Жунцю выпрямился, вернувшись к своей обычной манере поведения, подобной роботу.

— Возвращаюсь готовить.

Только рука, опущенная вдоль тела, невольно сжалась в кулак.

Лишь сейчас он внезапно с ужасом осознал: та рука, которую держал Хэ Чжу, оказалась настолько горячее его собственной. Переданное тепло, казалось, всё ещё цеплялось за его кожу, не желая рассеиваться.

Смутно вспомнилось Янь Жунцю, что в последний раз он ощущал обжигающее человеческое тепло три года назад.

Тот сукин сын тоже был горячим, словно печка, пугающе горячим везде.

С того момента, как Янь Жунцю увели обрабатывать рану, прошло около пяти минут. Заместитель режиссёра начал беспокоиться, уже собирался послать ассистента проверить, как вдруг двое один за другим вышли.

Сюй Чэн и Ван Лэюань тут же бросили кухонные принадлежности и окружили их, но не успели выразить своё участие и обеспокоенность Янь Жунцю, как высокорослый ассистент, словно призрак, чёрной тенью шагнул вперёд, незаметно отгородив своего босса от них.

Такая поза была очень похожа на наседку, защищающую цыплёнка.

Вернувшись к кухонной столешнице, Янь Жунцю надел перчатки и продолжил заниматься своими делами — неуклюже, но старательно, и наконец уложился в отведённое время, завершив свой шедевр.

В семь тридцать участники наконец смогли поужинать.

Стол разместили в саду перед виллой, по обеим сторонам были клумбы с белыми розами, подсвеченные европейскими садовыми фонарями, — красота нереальная, словно во сне.

Пятеро сидели вместе, атмосфера была неплохой, довольно дружелюбной. Цзян Юйнин, которого полдня успокаивали режиссёр и ассистенты, плюс Кан Цзянь, выступавший посредником, наконец оправился от упадка настроения и даже сам первым поздоровался с Янь Жунцю.

Кан Цзянь подвёл краткие итоги, сказал кое-что, а затем с торжественным видом один за другим открыл крышки блюд.

...

Воздух застыл.

Вид блюд был, мягко говоря, о многом говорящим.

Однако Кан Цзянь всё же из вежливости сделал несколько комплиментов, сказав, что блюда, приготовленные Янь Жунцю, аккуратно и чисто сервированы, очень отражают его личный стиль. А у Сюй Чэна и Ван Лэюаня хоть и попроще, но цвет выглядит неплохо.

Цзян Юйнин усмехнулся.

— Тогда, учитель Кан, приступайте первым.

Кан Цзянь попробовал ложку блюда перед собой, а затем молча запил половиной стакана воды.

<http://bllate.org/book/15591/1389655>